

Император из будущего: Эпоха завоеваний

Автор:

[Алексей Вязовский](#)

Император из будущего: Эпоха завоеваний

Алексей Викторович Вязовский

Сэнгоку Дзидай #3

Третий роман серии Сэнгоку Дзидай. Приключения нашего соотечественника, попавшего в средневековую Японию, продолжаются. Теперь его ждет Китай. Поднебесная империя становится врагом Ямато и Сын Неба принимает вызов.

Алексей Вязовский

Император из будущего: Эпоха завоеваний

Часть I

Глава 1

Египет, Рим, Китай держи ты под пятой,

Владыкой мира будь, - удел конечный твой.

Ничем от моего не будет отличаться:

Три локтя савана и пядь земли сырой.

Омар Хайям

Вторую годовщину прибытия в средневековую Японию отметил скромно. Четвертого июня тысяча пятьсот сорокового года я велел сервировать праздничный стол на одну персону в летнем «Цветочном» павильоне. К моим причудам прислуга и повара уже привыкли, так что устроил себе настоящий праздник живота. Сливовое вино из Китая, экзотическая для Страны Восходящего Солнца отбивная из мяса нежного, молодого ягненка, картофель, жаренный на конопляном масле и даже салат из первых японских томатов – это далеко не все, чем потчевали меня в этот день дворцовые кулинары. Новый церемониймейстер двора – Ии Наосукэ – тоже расстарался. Пруд перед Цветочным павильоном был заполнен морской водой, куда с большим бережением, с берегов Внутреннего моря, были доставлены святящиеся медузы. Их везли в огромных деревянных бочках, обложенных изнутри водорослями, а снаружи – льдом. Так что доставили почти пятьсот штук в целостности и сохранности.

Ближе к ночи дневная жара спала, на небе появились звезды Млечного пути, а пруд засветился сотней фиолетовых огоньков. Это было так необычно, умиротворяюще и медитативно, что дневные заботы и тревоги постепенно сошли на нет и я смог, наконец, расслабиться. Перед глазами стали появляться картины моего недавнего прошлого. Вот я просыпаюсь в замке Тиба в чужом теле. Рядом сидит жена Тотоми, врач клана Сатоми Акитори Кусуриури и генерал Симодзумо Хиро. Первой уже нет в живых – умерла из-за кровотечения после выкидыша, двое других – ныне мои самые верные и преданные вассалы. Пережили чуму в столице, две войны, смену правящей династии... Хиро-сан так вообще дослужился до второго поста в стране. Стал канрэем или премьер-министром. Акитори мотается по всей Японии, строит больницы и лечебницы, учит врачей.

На глаза наворачиваются слезы. Я все еще сильно горюю по Тотоми – первому близкому мне в этом мире человеку. Вот ведь подлая натура – сколько не дави в себе эмоции, стоит чуть-чуть отвлечься, как все слабости вылезают наружу. Вытираю с лица слезы по жене и новорожденному ребенку рукавом кимоно. Пара глубоких вздохов. Усилием воли возвращаюсь к воспоминаниям. Вижу «своего» сына Киётомо Сатоми. Четыре года парню, живет с няньками в замке Тиба, но внутренне принять его как своего наследника и вызвать в Киото, я так до сих

пор не могу. Сатоми Ёшихиро – его настоящий отец, а не тот самозванец из 21-го века, которого забросило в тело дайме заштатного японского клана.

Перед глазами проносятся картины битвы при Хиросиме, где полки Хиро-сана и португальские пушки сломали хребет клану Огигаяцу. Я улыбаюсь – иезуиты небось до сих пор локти кусают, что разрешили использовать корабельную артиллерию. А еще больше они изойдут на гуано, когда узнают, что их главный миссионер Филипп Родригес перешел на мою сторону, отказался от христианства и вот уже полгода как в компании с братом Хайра Сатоми плывет в Англию. Первое посольство в Европу в истории страны Восходящего солнца. Лаймы, Нижние земли (Голландия), Франция, Священная римская империя, Польша и наконец, матушка Россия, которая сейчас вовсе не Россия, а просто Московское царство. Вот программа минимум для посольства. Программа максимум – пристроить Хайру к десятилетнему Ивану Грозному, который сейчас уже царствует, но не правит. Страной управляет опекунский совет во главе с Глинскими, Шуйскими и другими могущественными боярами. Только после восстания 1547 года Иван Грозный получит полноту власти и начнет единолично править. А сейчас ему, а точнее его матери Елене Глинской очень пригодятся сорок верных самураев во главе с братом Императора Японии. Новые кремневые мушкеты, карбидная лампа, полцентнера золотых и серебряных монет – у Хайра и Родригесса найдется чем заинтересовать Глинских.

По сути ставка на Грозного была беспроигрышной, да и, пожалуй, безальтернативной. Насколько я помнил, Иван IV процарствовал дольше всех глав России за все время существования страны – больше 50 лет! А после своей смерти оставил государство размером больше всей Европы. Правда, это было бедное государство, измученное опричниной, бунтами и войнами, но раз я тут – можно сыграть и получше.

Я наливаю себе еще вина и залпом выпиваю. Челядь страшно переживала, что Сын Неба сам себя обслуживает, одевается. Один слуга 12-ранга даже покончил с собой, после того, как я имел неосторожность самолично распахнуть несколько окон в опочивальне. Ведь кто такие были императоры Японии до моего воцарения? Изнеженные затворники. Это проявлялось во всем. Например, тронный зал устроен аж на четырех уровнях, каждый из которых соответствует важности занимаемого положения посетителя. Четвертая, самая высокая площадка, напоминающая «концертную эстраду», предназначалась для Сына Неба. К моменту моего воцарения, возвышение было огорожено высокими боковыми ширмами, напоминающих кулисы. Кроме того, сверху опущена во всю

высоту комнаты широкая зеленая штора, собранная из бамбуковых спиц. За эту-то шторой и должен был сидеть микадо во время аудиенций. Как только он появлялся на площадке и садился на трон, штора медленно поднималась до высоты его груди. При этом лицо Императора оставалось невидимым для посетителей; сам же он мог разглядывать их, как через вуаль, из-за зеленой портьеры.

Или взять редкие выезды в святилища для выполнения ритуалов. Когда паланкин с микадо в составе огромного кортежа отъезжал от дворцовых ворот, придворные брали в руки длинные и широкие куски материи и на всем протяжении пути образовывали подобие огромного коридора – чтобы микадо мог избежать людских взглядов. Иначе не дай бог сглазят!

И вот представьте, новый Сын Неба вместо того, чтобы благолепно сидеть под ширмами и исправно отправлять ритуалы, положенные правителям сельскохозяйственной страны, начинает как наскипидаренный мотаться по этой самой стране, влезать во все дела, включая самые мелкие, кардинально менять уклад общества, участвовать в сражениях. Ужас! Кошмар! Вот психика и не выдерживает.

Тяжелый вздох, звоню в колокольчик. Пора уже подавать сладкое. На десерт у меня сегодня были вагаси – колобки из вареного на пару и толченого белого риса. С начинкой из малины, клубники, пастилы из бобовой пасты, медом. Шеф-повар расстарался и вылепил из некоторых колобков фигурки птиц, фруктов, рыбок... Ням-ням, как вкусно!

С чего бы это я стал таким сладенной? Наверное, пытаюсь найти хоть какой-то лучик света в темном царстве отрубленных голов, вспоротых животов, что сопровождают мою нынешнюю жизнь. Два года непрерывной кровавой бойни. Два года! Не успели мне презентовать голову Нориката Огигаяцу – врага №1 клана Сатоми, убийцы «моего» отца, как началась война с домом Ходзе. И вот уже я люблюсь насаженную на деревянный колышек мертвую физиономию одного из регентов при предыдущем сёгуне Асикага – Ходзе Уджиятсу. Дальше головы стали поступать непрерывным потоком. Второй регент – дайме Ёсимото Имагава. Мой северный сосед, решивший поддержать власть правителей, Морикиё из клана Асина. Третий из регентов нарушает традицию – великий военачальник Такэда Сингэн – умирает от ран и из его кожи делают барабан, который очень недолго (всего две недели до полного разгрома) воодушевляет армию клана. Уже осенью «Музыкальный инструмент» привозят в Киото и

выставляют на всеобщий обзор. Зато от последнего главы Великого дома – Уэсуги Кэнсина – мне не достается ничего. После того, как ниндзя убивает Кэнсина в сортире, наследники полностью сжигают тело.

Однако страшная традиция не прерывается. Харакири сёгуна Ёсихару Асикага позволяет мне обзавестись 4-й по счету головой врага. Летом 1539-го года в столице происходит восстание Тоётоми Хидэёси. Дайме лично с войсками штурмует императорский дворец, но благодаря пулемету Гатлинга мне удастся спастись и отбить нападение. Хидэёси вскрывает живот, а в моей галерее появляется пятый «трофей». Пожалуй, это единственная голова, которая добирается до меня в сопровождении поэтической хокку:

Прощальные стихи

На веере хотел я написать, –

В руке сломался он.

5-й экземпляр коллекции – разбитый череп Аютигата Саи. Бывший церемониймейстер Госё не без моей помощи вываливается из окна пагоды и слуги отрубают голову предателя, дабы с позором пронести ее по улицам Киото. Дальше наступает время южных трофеев.

Янаха Сэйко, глава траурных ниндзя. Тех самых, что вместе с Хидэёси штурмовали дворец. Приятное, круглое лицо пожилого японца, правильные черты. Встретишь на улице – не обернешься. Одна только деталька. Рот набит золотыми монетами. Как бы намек всем остальным синоби страны – глава совета старейшин – Иттэцу «Единая Сталь» – не потерпит иуд в своих рядах.

Три последние головы – особенные. Достались они мне тяжелее всего. Ноябрь 39-го года, конец эпохи Сэнгока Дзидай. Все воюющие провинции Японии разделились на две части – северную и южную. Во главе южан – князь Такахиса Симадза, ван Окинавы Сё Хаси, иезуит по имени Педро Новаиш. Две недели двести тысяч солдат штурмуют редуты возле деревни Джихи. Такого ада я в жизни не видел и, наверное, больше не увижу. Опьяненные опиумом мобилизованные крестьяне и самураи как зомби идут под выстрелы картечи и пулеметные очереди. Перешеек между озерами Бива и Ёго к Рождеству оказался забит телами южан, вода покраснела от крови. Трупы кое-где лежали высотой в метр, а перед брустверами редутов – в два и даже три метра!

Ужасная, позорная битва. Никакой гордости, никакой чести, никаких «мы ломим – гнутся шведы». Тупая бойня, по ходу которой даже до самых глупых дошло: эра бусидо закончилась. И это чуть не привело к бунту. Спасло меня два обстоятельства. Во-первых, личный пример. Несколько раз я вставал к ручке Гатлинга и на какое-то время северные самураи воодушевлялись, сбрасывали психологическое напряжение от работы палачей. Во-вторых, поздняя зима. То оттепель, то дождь – лед на берегах озер в декабре не встал, а симадза так и не смогла обойти наши позиции, навязать маневренную войну. Точку в противостоянии, как обычно, поставили ниндзя. Князя Такахиса очень хорошо охраняли. Двойники, несколько колец охраны, даже специальные люди, которые пробовали еду в несколько этапов. Но Хандзо есть Хандзо. К своим сорока годам человек превратился в гения шпионажа и диверсий. Синоби разузнал от слуг, что Такахиса увлекается каллиграфией. Несколько часов каждый день рисует иероглифы, успокаивая расшатанные нервы. При этом имеет обыкновение, впад в задумчивость, кусать кончик кисточки.

Остальное было делом техники – отравить кончик кисти, подменить и вот уже над лагерем южан полыхает огромный погребальный костер. Генералы Симадза после внезапной смерти сюзерена нападают на окинавских вако, убивают Сё Хаси, а Педро Новаиша распинают на кресте. И, подняв этот крест над головами, идут сдаваться. Ни один из генералитета южан не вскрыл по обычаю свой живот. Ведь христианство запрещает ритуальное самоубийство. Так-то католицизм еще и священников запрещает распинать, но мозги генералов от бойни последних недель едут конкретно, потом кое-кто принимал христианство притворно, в качестве вассального долга... В общем, февраль я встречаю на японском острове Кюсю – бывшем оплоте клана симадза.

И это, увы, совсем не победа. Весь юг Японии разорён и обезлюдел. Огромное количество крестьян погибло у деревни Джихи, оставшиеся голодают и бегут в центральные области Хонсю. Мне тут же приходится, что называется с колес, организовывать помощь пострадавшим районам, объявлять о старте переселенческой программы, бороться с опиумными барыгами, которые продолжают контрабандой, на джонках ввозить зелье с Окинавы и Кореи. Опять возникают невероятные трудности с кадрами. Кого назначать губернаторами провинций, коор-бугё городов? В ход идет «золотая сотня» Императора – студенты-сироты из университета Банту. Борьба с контрабандой подразумевает создание береговой охраны. Опять проблема – где брать моряков, суда...

Самое страшное воспоминание зимы – это не горы трупов, а тощие, с торчащими ребрами дети, протягивающие руки к нашим солдатам, марширующим по горным дорогам. И ужас в том, что ничего нельзя сделать. Продовольствие есть и его много. Но основные склады риса располагаются в долине Кванто и вокруг Киото. Чтобы доставить еду по узким, разбитым трактам требуются недели. По воде галерами? Отпадает. В разгаре сезон зимних штормов. А люди продолжают умирать. В какой-то момент мозг говорит: «Стоп» и перестает воспринимать реальность. Включается предохранительный механизм. В мае я понимаю, что сделал все, что можно и пусть будет, что будет. Я не Христос, чтобы накормить 5000 народу 5 хлебами.

Слева, у пруда раздается звонкий женский смех. Я оборачиваюсь и вижу Саюки в компании фрейлин двора. Стайка девушек напоминает разноцветных колибри – ярких расцветок зонты и кимоно, быстрые и ловкие прыжки по квадратикам классиков. И зачем я только им показал эту игру из времен СССР? Теперь девчата расчертили мелом площадку и прыгают на одной ноге, толкая деревянную битку в форме шайбы из прямоугольника в прямоугольник. Полы кимоно задраны, открывая аппетитный вид на ножки дам. Специально что ли? Ведь запретил меня в этот вечер отвлекать. Ан, нет. Надо обязательно по гормонам проехаться танком. И ведь уже знают куда бить, стервы. Никаких набеленных лиц, черных зубов. Появились первые декольте, завлекающие духи... Уже вечер, пора спать ложится, так нет, заставили слуг зажечь карбидные лампы и прыгают у меня на глазах. Куноити гребанные. Я аж заскрипел зубами от злости.

С синоби надо что-то делать. После победы над Симадза, я получил полную власть над 4-мя основными островами Японии. Система кланов была сломана, в большинстве провинций сидят мои назначенцы, стоят армейские гарнизоны, а верные дайме принесли присягу и «поклонились» императору своими землями с реестрами прикрепленных крестьян. За что получили назначения в правительство, либо взяты на содержание в виде ежемесячного рисового пайка, который также можно получить золотом. Это пробило в моем бюджете изрядную дыру, но другого способа «купить» лояльность аристократии я не видел.

Лучше всего чувствовало себя крестьянство и торговля. Налоговый пресс ослаб, в перенаселенной Японии появились свободные земли на юге, впервые за всю историю труженикам сохи не грозит голод – благодаря прогрессу в сельском хозяйстве резко выросла урожайность, да и в рыболовстве спасибо современным травам, донным ловушкам здорово подскочил улов. Городское население также

довольно. Унифицируются законы, появляется больше местного самоуправления, развивается промышленность – все это открывает перед горожанами массу возможностей. Хуже обстоят дела с самураями. Их права и привилегии новая эпоха, которой дал свежий девиз «ё-наоиси» – обновление мира – здорово ущемила. Во-первых, самураев было слишком много для моего «просвещенного» абсолютизма – от восьми до десяти процентов взрослого населения островов. Армия, службы безопасности не могли переварить столько ронинов, оставшихся без хозяев и кланов. Во-вторых, эта братия совершенно не хотела меняться. Вооруженные до зубов мужики шлялись по всей стране, задирали гражданское население, совершали преступления. Но и тут у меня было несколько рецептов, куда приложить их энергию.

Однако совсем тупиковая ситуация сложилась с синоби. С одной стороны «люди в черном» оказали новой власти массу ценных услуг, несколько раз спасли мою жизнь. И я за это их отблагодарил. Легализовал через Палату внешней разведки, приблизил ко двору. С другой стороны кланы ниндзя продолжали оставаться государством в государстве и глава совета старейшин синоби – Иттэцу «Единая Сталь» – совершенно не торопился «выйти из тени». Тренировочные лагеря и базы держатся в секрете, сохраняется жесткая клановая структура. Иттэцу сделал все, чтобы окружить меня своими людьми. Помимо телохранителей, Иттэцу под видом наложниц полностью заполнил женскую половину Госё женщинами-ниндзя. Нельзя шагу ступить, чтобы за тобой не следили внимательные глаза конуоти. «Единую Сталь» устраивала роль эдакого «серого кардинала», но меня то нет!

Потом я четко понимал, что как только мой «пост» прервется и я вступлю в связь с одной из фрейлин, то рождение наследника может стать концом «карьеры». Скрипач не нужен, дорогой. Король умер – да здравствует король! Конечно, аристократия не примет нового главу страны из париев, а вот ребенка – вполне.

Так что приходится давить в себе инстинкты и скрипеть зубами на выходки девок. Ну, ничего. Найдется и на вас управа. Я закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул. Теперь-то я отлично понимаю фразу Черчилля: «Оседлать тигра сложно, но можно; удержаться на нём ещё сложнее, но можно; слезть же с него – совершенно невозможно». Это ведь он про власть сказал. Как только слезаешь с тигра – тот тут же тебя съедает.

Глава 2

Благородный человек знает только долг, низкий человек знает только выгоду.

Конфуций

Однажды Наполеон Бонапарт сказал: «Наибольшая из всех безнравственностей – это браться за дело, которое не умеешь делать». Жаль, что он изрек эту истину до того, как пересек Неман и напал на Россию, но истина остается истиной независимо от того, кто и как ее открыл. Афоризм Наполеона я вспомнил утром 5-го июня, как только начался прием чиновников.

Выглянув в приемную, оценить объем работ, я увидел, что «коробочка полна» – вся комната была забита министрами и их заместителями. Все тут же подскочили и принялись кланяться. Начать решил с премьер-министра, но потом увидел кислое лицо Масаюки Хаяси и поманил его пальцем. Вслед главой «Министерства науки, общественных работ и казенных заводов» в кабинет зашли его главные помощники: бывший кузнец Амакуни, главный дорожный строитель Мики Хиратэ и кореец Ле Куанг Чунг. Последний, уже полгода как отвечает за геологические изыскания и объехал со своей бригадой почти всю Японию. Лица хмурые, грустные, движения зажатые. Ясно, что-то случилось. Пока рассаживались за рабочим столом, я разглядывал Хаяси. С нашей последней встречи самурай раздобрел, наел щеки и уже не злоупотребляет косметикой. В одежде также произошли изменения. Все эти китайские церемониальные прямоугольные шляпы, огромные шаровары-хакама, больше похожие на юбку – все ушло в прошлое. Чиновники теперь предпочитают деловой стиль. Плотные темные брюки, сверху серое кимоно с короткими лапами, больше похожее на кафтан. Волосы все еще заплетены в традиционную косичку, но ее длина минимальна. За поясом министерские жезлы, которые я вскоре планировал заменить на знаки различия, крепящиеся к верхней одежде. Что-то вроде звезд шерифа.

Да, быстро изменения приживаются, а ведь еще полгода назад Хаяси наотрез отказался от должности министра, все хотел заниматься чистой наукой, носить свои хакама и ни о чем не беспокоиться лишней раз. Увы, человек полагает, а император располагает. Мне до зарезу нужен был администратор научного прогресса, который может сдвинуть японское средневековье хотя бы в эпоху Ренессанса. А ученых мы подготовим – зря, что ли начата реформа образования?

Так что пришлось нажать на Масаюки, впрячь его в эту телегу, которую он теперь тащил, побряхтывая, вперед.

- Что у нас плохого? - начал я разговор в стиле механика Зелёного из мультика «Приключения Алисы Селезневой».

- Плохие новости, Солнцеликий - опустил в пол глаза Хаяси - Сегодня ночью убит Отохара Кайсу!

- Как это убит?! Кто посмел??

Отохара - молодой парень, которого недавно привел Хаяси и попросил выделить деньги на первую в стране обсерваторию. Новые линзы, которые научились шлифовать в бывшем монастыре Хоккэ, позволили сделать прототип телескопа и я дал старт наблюдениям за различными астрономическими явлениями. Отохара получил в аренду временное помещение в Киото и уже началось строительство специального здания на горе Фудзи, где атмосфера Земли не так сильно будет мешать исследованиям. Мне даже пришлось выдержать целую битву с главой министерства Синтоизма Набой Санэнаги, который был категорически против подобного надругательства над священной горой.

Траектории движения планет, солнечные и лунные затмения, наблюдения за кометами - все это должно было дать толчок целому ряду дисциплин. От физики (оценка скорости света, теория тяготения и рефракции), до математики (вычисления синусов и косинусов углов, окружностей...). И вот такой удар.

- Ёрики квартала выяснил, что Отохара - сан устраивал экскурсии самураев к телескопу - тяжело вздохнул Хаяси - Подзаработать денег, да и покрасоваться перед дамами, которые тоже интересовались ночным небом. Вчера в обсерваторию заглянуло сразу несколько сацумских аристократов и один из них сильно оскорбился.

Картина в пересказе Хаяси вырисовывалась следующая. Воспеваемая в японских стихах луна, выглядела в телескопе огромной и совсем несовершенной - вместо привычного сияющего диска, сацумец увидел уродливые горы, впадины, отметки от метеоритов. И это было уже совсем не то конфуцианское Небо с большой буквы, а небо, которое можно было безнаказанно изучать, покорять... Шокированный аристократ вспылал, схватился за меч и наш первый астроном

остался без головы.

- Судить и повесить - распорядился я - Сегодня же на площади трех Святилищ.

Ошарашенные чиновники кинулись меня просить о достойной смерти для благородного убийцы. Нет уж, господа! Самураи смерти не боятся, а вот позора очень даже. Надо дать всем урок - больше никаких возвышенных сеппуку на белых татами с посмертными стихами. Убил - отвечай на общих основаниях. И это был как раз один из методов, который поможет стране справиться с валом преступлений, совершаемых ронинами и прочей аристократической братией.

Увы, убийство Отохара Кайсу было в то утро не единственным ударом судьбы. Две из трех наших домн остановили плавку. Рубя обожжённой рукой воздух и грозно поглядывая на Чунга, айн начал рассказывать какого плохого качества пошла руда на заводы Хоккэ и как ее не хватает. Поставки сократились в два с половиной раза, на море бесчинствуют пираты, крокодил не ловится, не растет кокос. Чунг в ответ начал шипеть, что шахты юга Японии разрушены в ходе войны, новых месторождений руды он найти не смог, старые - истощаются. Разговор быстро перешел в свару. Хаяси вспомнил Амакуни огромное количества шлака, который выходит с каждой плавки, тот в ответ раскрылся о легирующих добавках, которые ему были обещаны химиками еще прошлым годом, но которых он так и не дождался. Загибая пальцы, кузнец принялся перечислять латинские названия, которые я ему в свое время выписал: «..Марганец - повышает твердость и прочность стали - как не было, так и нет. Кремний - увеличивает упругие свойства, также отсутствует. Никель - вообще, основа основ. Именно добавки из никеля не позволяют стали ржаветь.... Где все это?!»

Один Мики Хиратэ помалкивал, улыбаясь. У него то в хозяйстве все было отлично - больше десяти тысяч пленников из южан и бывших Великих домов, строят дороги, мосты по всей Японии. Как раз наибольшую пользу бригада Чунга приносит нашим строителям. Уже в нескольких прибрежных провинциях работают карьеры, добывающие известняк, песок, глину, гранит... Но все-таки цивилизация - это железо! Якоря, скобы, гвозди для флота, стволы для ружей и пушек, доспехи для солдат, сельхоз. инвентарь для крестьян - ну право дело, не возвращаться же обратно к меди? Железная дорога! Я аж застонал про себя. Какие уж тут рельсы, какие колесные тележки вагонов и тендеры для угля... Получается я зря насиловал свой мозг и рисовал чертеж парового котла в разрезе??

Очевидно, что прогресс – это последовательное движение от сыродутных печей к наддувным шахтным печам, затем к пудлинговым печам. Далее идет бессемеровский конвертер, мартеновская печь, и наконец, финал – кислородный конвертер. И все это невозможно без богатых месторождений руды и угля. А они, увы, есть только на материке. Корея, Китая и далее по списку.

– Ваше императорское величество! – в дверь просунулась перекошенное лицо секретаря – Беда!

Да, что ж ты будешь делать... Я обреченно махнул рукой и в кабинет начали протискиваться генералы. Хаяси и Ко сложили документы, до которых так и не дошел ход, и освободили места силовому блоку. В него входили:

– рано поседевший, но еще вполне подтянутый премьер-министр – Симадзумо Хиро.

– глава Военного ведомства (дайдзин) старенький Хотта Абе с сыном.

– морщинистый как морда шарпея, Цугара Гэмбан – министр Палаты тайных дел.

Расселись, поиграли в гляделки. Никто не решался первым заговорить.

– Да, что произошло то?! – не выдержал я.

– Восстание в провинции Кавати – тяжело вздохнул Гэмбан, разворачивая карту – Сегодня утром прилетел голубь от местного мацукэ, группа ронинов до пятисот человек захватила бывшее буддистское святилище Симогамо, убит нынешний смотритель храма и сторожа.

– Чего хотят?

– Требуют короновать истинного императора Ямато – некого монаха Докэна. Рассылают письма, что он – выживший сын Го-Нара, а на престоле...

Цугара замялся.

– Самозванец – закончил я за министра.

Военные набычились и схватились за свои жезлы, как за рукояти мечей. Гэмбан покивал головой и продолжил – Самое опасное, что многие поверили этому Докэну. В святилище с ближайших провинций – Сэтцу, Ямасиро – стекаются толпы крестьян и ронинов... Ведь в Симогамо хранятся реплики императорских регалий, а Докэн уже выходил к людям в них...

Вот это новость! Я думал, что бронзовое зеркало Ята-но кагами, подвески из драгоценных камней Ясакани-но магатама и меч Кусанаги-но цуруги – существуют в единственном числе.

– И еще – прикрыл глаза, как перед прыжком в омут – Восставшие отбили один Вулканов, который перевозили с юга обратно в столичный арсенал.

Вот это новость! Даже две. Во-первых, у нас теперь есть собственный Лжедмитрий. А во-вторых, этого Лжедмитрия есть пулемет Гаттлинга. Нда, рановато я поставил крест на эпохе Сэнгоку Дзидай. Смута продолжается, а трон подо мной вполне конкретно качается.

– Да, что эти крестьяне смогут сделать с Вулканом – презрительно скривил губы Хиро-сан.

– Подтянем артиллерию – подключился Хотта Абе – И расстреляем бунтовщиков.

– Святилище располагается на горе – возразил Гэмбан.

– Еще лучше. Давно хотели опробовать новейшие гаубицы – с трудом выговорил незнакомое слово Абе.

Да, вовремя Амакуни отлил пробную партию. Теперь можно навесным огнем, да с закрытых позиции... Нет, о том думаю. Что-то тут нечисто.

– Так, военные готовят план штурма и через час мы его обсуждаем. А вас Шти... Гэмбан я попрошу остаться.

Генералы покинули кабинет, я же насел с вопросами на министра безопасности.

– Не хотел говорить раньше времени – в итоге сдался Гэмбан – Но с Вулканом не все так просто. В этой истории торчат уши синоби. Слишком легко перебили охрану, слишком близко пулемет оказался к святилищу... Хорошо, что патронов к нему совсем немного, но теперь люди тени смогут изучить оружие, а может и скопировать его в своих мастерских.

Час от часу не легче. Ладно, надо решать проблемы по мере их поступления.

– Предлагаю немного затянуть со штурмом – предложил глава Палаты тайных дел – Пусть с окрестных земель соберутся самые отъявленные бунтовщики. И мы их прихлопнем всех разом.

– Мне кажется, ты не совсем правильно понимаешь ситуацию. Как сказал, один мудрый человек – я перефразировал французскую поговорку про штыки – «На копья можно опираться, но сидеть на них нельзя». Сколько у нас за последние месяцы случилось крестьянских бунтов, волнений в городах?

Гэмбан принялся шелестеть бумагами, но я его остановил.

– Только на моей памяти пяток сообщений было. Пока все обходилось малой кровью, но дальше так продолжаться не может. Надо разом выплеснуть энергию сотен тысяч вооруженных мужчин вовне. Да, и промышленность наша задыхается без ресурсов. Готовь планы кампании против Окинавы и Чосона. Иттэцу и Хандзо я тоже озадачу.

А заодно отвлеку от интриг и заговоров против меня – но об этом я министру говорить не стал.

– Это же... – Гэмбан нервно вытер пот со лба – Война с Поднебесной!

Я достал «китайскую» папку и начал выкладывать свитки.

– Вот отчет Кико Ходзе, которая уже год сидит в Пекине в нашем посольстве. Евнухи Запретного города работают над заключением с ваном Чосона военного союза против нас. Вот копия с указа императора Чжу Хоуцуна о возобновлении политики «хайцзин», т. е. запрете на морскую торговлю с иностранцами. Вопрос уже практически решен. Через несколько недель китайцы введут с нами

торговую блокаду. Неофициально они уже помогают окинавским вако деньгами и оружием. Пираты, кстати, совсем обнаглели – десятки нападений по всему побережью. И последнее.

Я достал голубиное письмо на тонкой рисовой бумаге вместе с расшифровкой.

– Ознакомься. Это написал один из шпионов Кико-сан при дворе вана.

Гэмбан погрузился в чтение. Раз перечитал, два...

– Ничего не понимаю – помотал головой министр – Это же... Это.

– Иностранное вторжение. Ван Чунджон разрешил иезуитам привезти на материк десять тысяч конкистадоров! С Макао и других португальских территорий. С пушками, ружьями и всем необходимым припасом. Якобы для защиты Чосона от пиратов.

– Чунджон совсем сошел с ума!! Иезуиты уже не уйдут.

– Это не Чунджон сошел с ума, это его любимая наложница Чан Гым поклялась меня уничтожить любой ценой после того, как сацумцы распяли ее любовника – Педро Новаиша.

– И что же делать – я впервые видел Гэмбана таким растерянным.

– Не знаю. По последним донесениям корабли португальцев уже начали прибывать, основная армада ожидается через месяц, другой... Надо наносить удар первыми. Сначала десант на Окинаву и сразу вторжение в районе Пусана с атакой на Сеул. Если кампанию проведем быстро, то китайцы не успеют раскачаться и мы их поставим перед фактом. А вторжение португальцев вообще не состоится.

Когда государство управляется согласно с разумом, постыдны бедность и нужда; когда государство не управляется согласно с разумом, то постыдны богатство и почести.

Конфуций

Если день на задался с самого начала – все, пиши пропало. К тому же понедельник – день тяжелый во все времена. И Средние века совсем не исключение. Сразу после Гэмбана в кабинет, придерживая мозолистыми руками небольшой кувшин, зашел наш главный аграрий – Хонда Хосима. Бывший крестьянин лучился улыбкой и я тут же отзеркалил его эмоции. Наконец то, хоть что-то позитивное меня ждет. Так и оказалось. В кувшине было первое японское молоко. Коровы, доставленные из Кореи и Китая, дали натур-продукт и теперь – я мысленно облизался – у нас будет и свой сыр, и творог. Наверняка, найдем нужные бактерии – значит и кефирчику можно будет на ночь жахнуть. А еще внедрим пастеризацию, которая за собой тянет консервирование...

Буэээээ! Буэээээ!! – все выпитое молоко моментально вылетело прямиком обратно на рабочий стол. Спазмы скрутили тело и меня еще несколько раз вырвало слизью. Не успел утереться, как в кабинет ворвалась охрана с обнаженными мечами и взведенными пистолетами. Еле успел махнуть рукой телохранителям, прежде чем они начали шинковать в капусту и пичкать свинцом шокированного Хосиму. Не каждый день солнцеликий блюет в присутствии вассалов.

Пока слуги убирались в помещении, я как мог успокоил министра сельского хозяйства и рыболовства.

– Видите ли, уважаемый Хонда-сан – я подальше отставил от себя кувшин с молоком – Не все японцы в силу своей природы смогут переваривать продукты чужеземцев. Тут надо очень осторожно подходить и сначала проверять новую пищу на родителях, прежде чем давать ее детям.

Рассказывать чиновнику о непереносимости лактозы, о микрофлоре толстой и тонкой кишки я посчитал излишним. Пусть лучше этим занимаются врачи во главе с Акитори Кусуриури. И только тогда, когда решат более насущные проблемы с вакцинацией от оспы, чумы... Мнда, не полакомиться мне мороженым.

Ёсикуни Хатакэяму, главу «Министерства по делам чиновников и государственных земель» я уже встречал в некотором напряжении. Что еще приготовила мне судьба в лице этого достойного самурая с резкими чертами лица и очень простой одеждой? Ёсикуни-сан несмотря на всю предыдущую суету в кабинете и приемной оказался собран и деловит. Принес на рассмотрение гравюры потенциальных невест. Еще до битвы при Джихи я поддался давлению аристократии и назначил смотрины. Вот теперь министр принес мне портреты кандидаток с описанием. Целый час подробно докладывал плюсы и минусы каждой из девушек. Одна – 15-ти летняя, младшая дочь старшего государственного советника Итидзё Саоси. Знает китайский, сочиняет стихи (образцы прилагаются). Другая – 16-ти летняя дальняя родственница предыдущего императора, княгиня Нинко Коаку. Умеет играть на кото (вид цитры), петь. Само собой знает чайную церемонию и икэбану. И так по каждой из десяти дам включая данные медицинских осмотров, которые провел Акитори-сан. Когда только успел??

Чувствую себя барышником, что покупает лошадь. Но делать нечего, куноити во дворце нужно создавать женский противовес в лице императрицы с фрейлинами, к тому же нужен наследник от «старой» аристократии – дело то государственное, нельзя отдавать его на откуп синоби. Отобрал трех барышень, утвердил день окончательных смотрин. Надеюсь, они до него доживут. Вот такой черный юмор.

– Я бы посоветовал «Внуку Солнца» – аккуратно закруглил аудиенцию Хатакэяма – Позволить мне устроить сегодня вечером небольшой праздник. Дабы отвлечь самураев и низшие сословия от предстоящей казни сацумца.

Ого, я еще только отдал приказ Гэмбану, а слухами земля полнится. Ну, горожане и крестьяне меня и так на руках носят, а вот дворян, пожалуй, стоит отвлечь.

– Небольшой фейерверк, турнир по ножному мячу среди дворцовых команд, можно еще императорский сад открыть для посещений публики.

– Хорошо, распорядитесь – подвел я черту под нашей беседой.

Дела делами, а обед по расписанию. Суп мисо, лапша с обязательным соевым соусом, немного зелени. И щебет раскрасневшийся Саюки-сан в придачу.

Дворцовые сплетни, мелкие жалобы, незаметные намеки, замаскированные под смешные зарисовки и сценки из столичной жизни. Куноити уже не пытается пронять меня грубым мистицизмом физиогномики «нинсо», манипуляции затрагивают более глубокие слои психики. Понимать то я это понимаю, но ничего сделать не могу. Ну и «ниже пояса» сыграть – тоже всегда пожалуйста. То голая коленка мелькнет в разрезе короткого кимоно, то наливая чай, мне демонстрируют весьма аппетитную пятую точку. Еле дождался конца обеда и с огромным рвением, ага все по Фрейду – сублимация подавленного либидо – сел за документы.

И сразу два приятных открытия. Сабуро Хейко, глава министерства «Налогов и сборов» прислал первый отчет по исполнению бюджета страны в июне в стандарте двойной записи. Все как я привык – счета дебета слева, счета кредита справа. Проверил. Все сходится: сумма дебетов всех счетов всегда равна сумме их кредитов, т. е. сальдо – нулевое. Сами цифры тоже радуют глаз. Кладовые дюжины замков князя Такахиса дали нам безумные 10 млн. коку в золоте и рисе. Этот год мы легко закроем с хорошим профицитом, даже с учетом всех моих планов по модернизации и строительству новых заводов.

Но зарываться тоже не стоит и надо обязательно заказать Сабуро прогноз по второму полугодю. Пусть чиновники прикинут сколько потеряет бюджет на китайском эмбарго и остановке дозн. Предварительно просядет торговля шелком-сырцом, рисом, железом. Хорошо бы провести стресс-тест на предмет плохого урожая. Тщательно записываю все свои идеи и оформляю их в официальные приказы. Секретарь пока еще не владеет стенографией, так что быстрее все самому сделать.

Второе открытие – документ из военного ведомства с припиской от Симадзумо Хиро: «Ресуй Дзюнтоку-сан очень ответственный и талантливый офицер. Быстрее всех остальных осваивает артиллерийскую науку Хосе Ксавьера». И что же нам пишет этот Дзюнтоку-сан? Вот это да! Результаты баллистических вычислений!! лейтенант производил стрельбы в северном и южном направлении, замеряя отклонения ядер по компасу и секстанту. Чтобы проверить свои расчеты, самурай велел солдатам подвесить на дереве ядро на канате и тем самым изобрел... маятник Фуко! Ту самую металлическую гирю, висящая на нитке, которая колеблется над полом, и плоскость качания которой со временем делает полный круг. Маятники Фуко никогда не останавливаются, они – живая демонстрация вращения Земли. Я вытер выступивший на лбу пот. Рождает же земля японская гениев! Срочно Дзюнтоку в столицу, в университет

Банту. Пусть занимается физикой, а пушки осваивать найдется кому.

Генералы не успевают с планом военной кампании против бунтовщиков, и я решаюсь съездить на казнь сацумца. Полезно себе иногда напомнить цену власти.

Мелкий, сливовый дождь под вечер прекратился и умытая столица предстала передо мной во всей красе. За последний год Киото прилично изменился. Во-первых, каждый квартал обзавелся деревянной пожарной вышкой с колоколом. Во-вторых, власти отменили запрет на колесный транспорт и город запрудили повозки, конные экипажи и даже кареты. И хотя охрана кортежа расчистила дорогу на всем ее протяжении, новые виды транспорта мелькавшие то тут, то там на перекрестках и обочинах – явно бросались в глаза. С удовольствием отметил, что администрация не бросила процесс на самотек. Появились регулировщики, основные магистрали реконструируются и расширяются, улучшилось освещение. Порадовало разделение дорог на проезжую и пешеходные части, а также номера домов и таблички с названием улиц. В-третьих, сильно поменялись люди. Одежда, лица, даже осанка... Все это требовало осмысления.

Площадь Трех святилищ была окружена двойным кольцом солдат из воинов-псов и освещена полусотней карбидных фонарей. За оцеплением колыхались толпы людей – не каждый день в Киото проходит такое развлечение. Для казни в центре площади соорудили высокий помост, но никакой виселицы я на нем не увидел.

– Не можем найти палача – ко мне подошел озабоченный и хмурый Гэмбан – Гвардейцы также отказываются казнить Сибусаву.

– Кого?

– Сибусава Эйити. Аристократ из Сацумы. Старший сын Рюдзодзи Тикаиэ, бывший вассал Такахисы. В 16 лет стал монахом и принял имя Энгэцу, однако в 18-лет вернулся к мирской жизни – уже больно неумный характер у него. Женщины, выпивка... После смерти отца, стал главой обеих ветвей семьи Рюдзодзи, воевал с симадза, потом с нами... Вот теперь перебрался в столицу и.

– ...бездельничал.

– Вроде как. Пирушки, поединки... Вы запретили дуэли, но самураи теперь встречаются для схваток тайно, на окраинах. Мы приглядывали за ним, никаких компрометирующих сведений.

Я подошел ближе к связанному Сибусава. Преступник сидел на ступенях помоста и беззаботно посвистывал. Вблизи сацумец не производил впечатление аристократа. Заросшее черной всклокоченной бородой лицо, огромный красный нос. Про такие носы говоря – шнобель. Грязное шелковое кимоно, не выбритый лоб...

– Ну, что пялишься? – мутным взглядом посмотрел на меня Сибусава.

– Перед тобой сам светлейший микадо – пнул ногой аристократа Гэмбан – Быстро поклонился!

– Да хоть первый император Дзимму – отвернулся Сибусава.

И этот человек оскорбился при виде Луны в телескопе?? Что-то тут не так!

– Это ты убил Отохару Кайсу?

– Ну, я! И что?

– Ты понимаешь, что тебя сейчас казнят за это?

– Валяйте. Ни чести, ни долга не осталось в Ямато. В последней милости отказали – сэппуку хотите у самураев отнять. В черноногих крестьян их надеетесь превратить.

Последнюю фразу Сибусава прокричал в сторону солдат. Воины-псы ответили глухим ропотом. Мнда, а не поторопился ли я с реформами? Сколько было примеров, когда сознание людей не успевало за прогрессом, в том числе социальным. От луддитов до эко террористов сжигающих посадки ГМО-растений.

- Дожили... - тем временем продолжал бубнить Сибусава - Аристократы как кузнецы с железками возятся, в грязи копаются...

Моя эйдетическая память тут же услужливо подсунула монолог Борислава Брондукова про ковбоев из фильма «Человек с бульвара капуцинов»: «...Да пошел ты к черту со своей фильмой. Этот дерьмовый синематограф превратил вас в трусливых мулов. Да, да дерьмовый синематограф и трусливые мулы!..»

- Что будем делать? - отвлек меня от воспоминаний Гэмбан - Нельзя подобное спускать. Это ущерб власти. Убийство, публичное оскорбление особы императора.

- Самураи взбунтуются, если их заставить расстрелять Сибусаву из ружей?

- При вас нет!

- Хорошо. Выбери 6-х воинов-псов и пусть приступают.

Гэмбан быстро выбрал шестерых угрюмых солдат и совсем молоденького офицера. Самураи низко поклонились мне и взошли на помост. Туда же охрана буквально внесла на руках Сибусаву. Тот ругался и плевался, совершенно потеряв лицо перед всеми присутствующими. К аристократу подошел синтоистский священник.

- Сын мой - начал пузатый японец.

- Пошел прочь отрыжка кашалота - оттолкнул священника ногой сацумец.

- Опомнись - воскликнул служка - Ты на пороге вечности!

- Поди прочь со своими дешевыми чудесами и фальшивыми богами - харкнул в сторону попика Сибусаву.

- Я готов, - сказал он уже нам - Не тяните.

Офицер выстроил солдат в линию и, волнуясь, выступил вперед. Ему никогда ещё не приходилось командовать при исполнении приговора.

– Готовсь!

Самураи нехотя подняли мушкеты.

– Целься! Пли!

Раздался залп, площадку заволокло дымом. Когда он рассеялся, я увидел, что Сибусаву шатается, но не падает. Одна пуля, пущенная нетвёрдой рукой, чуть прочертила на щеке преступника кровавую линию. Другая попала в ногу. Как можно на таком расстоянии промахнуться и попасть в бедро?? Сибусаву улыбаясь, попытался стереть со щеки кровь. Тщетно.

– Плохо стреляете – издевательским голосом сказал сацумец – Давайте ещё раз!

Ропот пробежал по шеренге самураев. Из толпы горожан раздались крики. Повинуясь команде офицера, самураи принялись заряжать мушкеты. Я начал считать, засекая время. Хорошие солдаты должны делать три выстрела в минуту. Почистить ствол шомполом от нагара – десять секунд. Затем вставить в ствол воронку, зачерпнуть порох мерным стаканчиком, засыпать его в воронку, засунуть в ствол пыж, протолкнуть его шомполом до упора, вытащить шомпол из ствола – еще пятнадцать секунд. Опустить в ствол пулю, дослать ее шомполом, вернуть шомпол в паз под стволом, насыпать порох на запальную полку, утрамбовать – почти столько же – двадцать секунд. Мнда... Почти полторы минуты. Позор, если бы я не видел, что самураи заряжают мушкеты спустя рукава.

– Готовсь! – голос офицера дал петуха.

Солдаты подняли ружья. А Сибусаву по-прежнему стоял и улыбался.

– Пли! – команду отдал вовсе не лейтенант, а скалящийся сацумец.

И солдаты послушали его! Опять грохот выстрелов и опять нулевой результат. Я видел, как мушкетёры специально в последний момент слегка отвернули ружья. Нет, так дело не пойдет. Из толпы зевак уже раздается хохот, оцепление от стыда смотрит в землю. Можно, конечно, самому кончить Сибусаву, но чести мне это не сделает. Надо как то заставить самураев.

– Заряжай! – я подошел вплотную к шеренге и принялся буравить солдат взглядом.

Те поспешно начали пыжывать мушкеты. Когда порох и пули оказался в стволе, я приказал отдать мне ружья и сделать поворот через плечо. После чего выкатил из четырех мушкетов пули обратно. Развернув строй, я показал солдатам на ладони 3 вынутые пули и вернул оружие.

– Целься в грудь! – моей команды ослушаться никто не посмел – Пли!

На сей раз никто не стал отворачивал ружья и две пули попали Сибусаву в горло и сердце. Преступник был убит наповал. А все, что хотелось мне – это пойти и напиться в хлам.

Глава 4

Не открывай сердца женщине, даже если она родила тебе семерых детей.

Японская пословица

Вечер стрелецкой, ой пардон, самурайской казни закончился еще хуже, чем начался. На обратном пути во дворец расчищенные улицы стали заполняться бегущими людьми. Охрана кортежа старалась как могла, но толпа все прибывала и прибывала. Многие горожане были в оборванной одежде, с окровавленными лицами. Я увидел, как несколько шатающихся мужчин тащили изломанные тела женщины и ребенка. К моему паланкину подъехал мрачный, как туча Гэмбан:

– Возле императорского сада случилась давка. Слишком много желающих оказалось взглянуть на красоты скверов Госё. Да еще турнир по ножному мячу...

– Сколько погибших?

– Говорят о ста.

Я выругался.

– Ёсикуни Хатакэяма покончил с собой – отвел глаза Гэмбан – Только что вестовой привез послание.

– Вот ведь бл...ь – уже по-русски, не сдерживаясь выматерился я, после чего добавил кулаком в дверцу паланкина. Носильщики от страха присели и процессия остановилась.

– Да, мантра это такая, от южных варваров – успокоил я взбледнувшего министра – Я же запретил без разрешения вскрывать живот!

– Не уследили. Как началась давка, Ёсикуни-сан пытался руководить спасательными работами, но – Гэмбан махнул рукой – Толку не было. Только когда подошли вассалы Иэясу-сана – он там рядом живет – удалось рассечь толпу и начать вытаскивать из нее женщин и детей.

Токугава? Вот это да. Несостоявшийся сёгун Японии давно был у меня на подозрении. Своей верностью в битве у Джихи он выслужил прощение за шашни с Такахисой и Хидэёси. Точнее не прощение, а условное наказание. Я обязал Токугаву жить в своем киотском поместье, расформировал и передал в императорскую армию россыпью все его полки. Но и сто оставшихся самураев хватило Иэясу, чтобы разобраться с давкой. А вот и он сам, легок на помине.

– Солнцеликий – соскочив с лошади, неуклюже изобразил поклон бочкообразный Токугава – Какое горе!

– Ёсикуни-сан вы отрубили голову? – в лоб спросил я Иэясу.

– Ваш министр не мог жить с таким позором – вздохнул аристократ – Перед сеппуку он сказал, что именно ему мы обязаны столпотворением. Люди могли подумать на микадо, поэтому он взял позор на себя.

– Ясно. Пойдем посмотрим.

Охрана выстроилась клином и торя лошадьми дорогу в толпе, мы постепенно добрались до площади перед воротами императорского сада. Здесь уже стояло

оцепление из самураев Токугавы, работали могильщики, которые стаскивали трупы к тележкам, что стояли в переулках. Фасады нескольких домов, выходящих на площадь, покраснели от крови. На брусчатке валялись пояса от кимоно, оторванные рукава, шлепанцы гэта...

– Вот тут, стало быть – начал путанно объяснять Токугава – Стоял народ перед входом. Потом кто-то крикнул, что с той стороны сада идут жители района Камигё и они займут лучшие места на турнире по мячу. Люди побежали вперед, а там дальше сужение перед воротами, да еще и охрана закрыла ставни...

Картина ясная. Хотели как лучше, получилось как всегда. Сто человек погибло, зарезался хороший вассал...

– Матч отменили? – повернулся я к Гэмбану.

– Как можно! Турнир организован по вашему прямому приказу, никто не осмелился ослушаться, даже родственники погибших досмотрели состязание до конца. Аркебузиры победили пехотинцев но-дачи со счетом 16:2.

Мне захотелось кого-нибудь убить. Долбанные биороботы.

– Родне погибших выплатить по сто коку, раненым по 50. Вы, Токугава, назначаетесь временным исполняющим главы Министерства по делам чиновников и государственных земель. Это все.

Лицо Иэясу вспыхнул от удовольствия, что он тут же попытался скрыть низким поклоном. Ой, наплачусь я еще с ним. Уж больно больших амбиций человек. И огромного ума. В реальной истории сумел пробиться с самого низа. Из заштатного клана, детство провел в заложниках, потом был вассалом у рода Имагава. Поднял восстание, прибил к более сильному союзнику Ода Нобунага и вместе с ним сломал хребет Имагава. Дальше воевал против Такэда Сингэна, был им несколько раз бит и почти побежден, но Сингэн внезапно умирает. Знаем мы это «внезапно»... Затем Иэясу становится боевым генералом Оды, а после смерти Набунаги присягает его регенту-советнику – Хидэёси Тоётоми. Завоевывает для него всю Японию, за что чуть не лишается головы (уж слишком популярен в массах, а значит, слишком опасен для власти Хидэёси). Но опять выкручивается, согласившись отдать свои центральные провинции Хидэёси в обмен на район Кванто. Дожидается смерти уже второго сюзерена и успешно

воюет за его наследство с Исидой Мицунари. Ход финальной битвы (100 тыс. восточных самураев против 80 тыс. западных) меняет предательство дайме Кобаякава Хидеаки, которому Иэясу наобещал с три короба – новых земель, золота... А что происходит с предателем через два года? Сюрприз, сюрприз – 25-летний Хидэаки внезапно сходит с ума и умирает, не оставив после себя наследников. После его смерти клан Кобакаява прекращает существование. Думаю и тут не обходится без «друзей в чёрном». Подмешали что-нибудь в чай и привет. Вот так медленно, по трупам Токугава Иэясу становится сёгуном Японии.

Самое любопытное, что и здесь история начинает повторяться. Во многом из-за измены Иэясу, мертв Имагава Ёсимото. Нет в живых и его сюзерена – Ода Набунаги. Токугава пытается интриговать против меня сначала с Хидэёси, потом с Такахисой. Не получилось? Не беда. Затаимся и ждем. Да, пожалуй, бесконечное терпение – главная черта Иэясу. И удачливость. Столько раз за свою жизнь пройти по краю, почти все потерять (один только приказ казнить своего сына и жену по распоряжению Ода – чего стоит) и все-равно выжить... Это надо уметь.

Спустя полчаса я уже пил сакэ, бездумно пялясь в окно, по которому змеились струйки дождя. Только на прошлой неделе привезли и вставили первое прозрачное стекло, а мне уже хочется его разбить вдребезги. Чтобы не поддаваться порыву, я начал частить. Крикнул принести красного вина, а потом и вовсе спирта. Зря я что-ли «изобретал» перегонный куб? Мешать так мешать. Шуганул из парадного зала, выглядывающих из-за сёдзи куноити, проигнорировал закуску, что быстро приготовили на переносном столике слуги. Мне надо было быстро напиться и забыться. А забыться мне надо, чтобы прямо сейчас не выйти из окна, пробив уникальное стекло головой и спикировав вниз в стиле Аютигата Саи. Он мне, кстати, иногда снится. Они все мне снятся – Огигаяцу, Дракон Идзу, Хидэёси, Такахиса... Педро Новаиш почему-то в образе Христа, а Саи регулярно выступает в роли Иуды. Крыша едет не спеша, тихо шифером шурша. Не гожусь я для этой работенки.

Кто там писал, что все люди делятся на садистов и мазохистов? Фрейд? Юнг? Не важно, я точно мазохист. Не люблю издеваться над людьми, демонстрировать силу. Пи.....страдалец – это про меня. Эх, тяжела шапка Мономаха. Неограниченная власть любит садистов. А еще желательно параноиков. Везде подозревать заговор, жестоко карать врагов (опционально получать от этого удовольствие) – считай жизнь удалась. Я же так не могу. Слабак, малодушная мокрица – пьяно покачнувшись, со всей силы бью кулаком в стену.

– Пошли вон! – крикнул открывшей сѐдзи охране. Послушались. Опять один. Несколько кругов по залу, еще несколько порций алкоголя. Мир уже начал покачиваться вокруг меня, когда я заметил, что деревянная панель, которую я отоварил кулаком, как то странно торчит из стены. Ну, ка.

Рванул обшивку на себя, а за ней... Потайная дверь. Интересно девки пляшут! Песни весело поют... Ручки нет. Надавил – закрыта. Отодрал еще несколько панелей вокруг двери. А ларчик то просто открывался. За одной из панелей была ниша с рычагом. Нажал и добро пожаловать... кстати куда? За дверью, которая скользнула вбок, было небольшое темное помещение. Взял фонарь и осветил. Ага, комнатка заканчивалась деревянной лестницей. Которая в свою очередь вела в подземную галерею. Пьяным спелеологам – море, конечно, по колено. Полез внутрь.

Высота хода на глаз примерно 2 метра, ширина – полтора. Сводчатые потолки и стены облицованы длинными узкими блоками пильного известняка. Кое-где встречаются необлицованные участки. Странно, что частные землетрясение ничего тут не разрушили. Ход начинает ветвиться и превращается в какой-то лабиринт. Делаю пометку кинжалом на стене и иду налево. По всей его длине хода несколько больших боковых ниш, которые достигают глубины более полутора метров. В них лежат груды старых доспехов. Надеюсь, клад мне обломиться? Увы, нет. Проход заканчивается через сто шагов узким выходом с люком. Дергаю очередной рычаг рядом с крышкой и оказываюсь в глубоком овраге, что позади Госѐ. Тут когда то был ров, потом дожди превратили его в размытую балку. Понятно теперь, как Хандзо попадает в столь тщательно охраняемый дворец. Закрываю замаскированный с внешней стороны кустиком люк и иду обратно.

Вторая галерея выводит меня в хозяйственные постройки – конюшню, арсенал, погреба, библиотеку. В каждом здании сделана тайная дверь в укромном месте, что позволяет скрытно перемещаться по всем дворцу. В кладовых нахожу бочонок с рыбьим клеем – как хорошо, что управляющий внял моим указаниям и развесил везде таблички с надписями, что где хранится. Теперь я могу сам приклеить панели обратно на стену.

Третий ход привел меня в пыточные застенки, где на ржавых крючьях висел чей-то скелет. Жаровня, сгнившие плети, что-то вроде набора пассатижей. Очень мило, идем дальше. Спускаюсь по лестнице на два пролета и попадаю в «соловьиный» зал. Помещение выстелено специальными досками, которые

«поют», когда на них наступаешь. Очередная дверь и небольшая комната без какой-либо мебели – лишь простые рисовые татами и две дзабутон – квадратные подушки для сидения. Ага, значит тут у нас переговорная. А что за ней? Очередной ход, который приводит меня... к люку в глубоком овраге. Круг замкнулся. Хотя нет, есть четвертая галерея. Кольцевой формы. Через каждые десять-двадцать метров по внутренней стороне в стенах мелькают проходы. Оставив фонарь при входе, протискиваюсь в один. Маленькое помещение два на два метра... с вмурованной в стену медной слуховой трубкой. Я от удивления и, наверное, свежего воздуха (тайный лабиринт хорошо проветривается), трезвею. Рядом с трубкой задвижка. Тихонько отодвигаю ее и вижу дворцовую палату, где на футоне самурай моей охраны охаживает фрейлину-куноити. Слышу слабые стоны, сопение. Комната не освещена, но в слабом сиянии луны видны белые ягодицы мужчины, которые ритмично двигаются между раздвинутых женских ног.

Вот она потайная дверь из комнаты папы Карло в волшебный театр порнографии. Холста с картиной очага не хватает. Ладно, идем дальше. Последовательно обхожу все коморки вуайериста. Кое-где можно подсмотреть, как люди спят, кое-где, как ужинают. Порнографии уже нигде нет, последнее помещение позволяет подслушивать гостей в чайном зале. Задвижка располагается прямо в гравюре, которая висит на стене. Я помню эту черно-белую укиё[1] с изображением горы Фудзи. Похоже, что тайный глазок располагался как раз в жерле вулкана.

Чайные апартаменты были в этот раз были оккупированы двумя дамами, в одной из которых я узнал Саюки. Вторая женщина, судя по прическе, была замужем и сидела ко мне спиной. Куноити угощала подругу вовсе не чаем, а сакэ с рисовым печеньем.

– ...пропуск ужесточился – расслышал я фразу замужней, приложив ухо к рожку – Охрана еле умеет читать, на входе очередь, вот и опоздала.

– Да, наш господин повелел ввести пропуска с описанием внешности – усмехнувшись, ответила Саюки – Теперь во дворец, дорогая Го Цань, просто так не попасть.

Странное имя, больше похоже на китайское. Я сделал себе зарубку в памяти, чтобы еще больше ужесточить пропускной режим. Против синоби это, конечно, не работает, но хоть от случайного убийцы спасет.

– Я могу изменить внешность за десять ударов сердца – махнула веером Го Цань – Но, не исключено, что стоит перенести наши встречи в другое место.

– Мацукэ Гэмбана следят за всеми обитателями дворца, которые покидают Госё – покачала головой Саюки – Риск провала слишком велик. Здесь мы пока хозяева, большая часть охраны нами так или иначе контролируется. Две мои фрейлины спят с тремя начальниками караулов. Еще с десятков воинов-псов влюблены в наших куноити и ходят вокруг кобелями.

Дамы тихонько засмеялись. Налили еще по наперсточку сакэ, выпили.

– Что велел передать дедушка? – лицо Саюки стало серьезным – Из-за чего такая срочность со встречей?

– Иттэцу-сан озабочен планами микадо обзавестись женой из старой аристократии. Проблема с Ёсикуни Хатакэямой решена, но еще остаются девушки. Вам поручено использовать яд, чтобы отравить невест. Все должно выглядеть естественно, как в случае с Тотоми Сатакэ. У вас еще есть настойка на пыльце пурпурной лилии или необходимо пополнить запас? Я принесла с собой 10 фун вещества.

Мир покачнулся передо мной и я, чтобы не закричать, вцепился зубами в ладонь правой руки. Зубы до кости прокусили мясо, но даже сильная боль и вкус крови во рту не смогли вернуть меня к реальности. Тело начала бить сильная дрожь. Чтобы не упасть, встал сначала на колени, а потом вообще лег на пол. Изнутри рвался вой, а я его давил, кусая руку. Чем сильнее я давил, тем сильнее он раздирал меня. Так продолжалось минут пять. Постепенно отпустило и с пола я встал уже совсем другим человеком. Да человеком ли?

Интерлюдия

Девятый день Минадзуки, седьмого года Тэнмона, корейская столица Ханяне, дворец короля Чунджона I

– Правее. Еще правее! Да, вот так. Сильнее. Еще сильнее! Ах, какая ты у меня умничка – Чунджон, ван Кореи, мурлыкал под проворными руками главной

наложницы Чан Гым – Ты замечательно делаешь массаж, а уж в искусстве иглокалывания тебе вообще равных нет.

– Мой повелитель, у вас такая мягкая, шелковая кожа, что прикасаться к ней – великая радость для любой женщины – Чан Гым поправила прядь в сложной прическе и продолжила массировать спину короля.

Раздетый 50-ти летний ван лежал на большом сандаловом ложе, окруженный свечами и светильниками. Разноцветные китайские фонарики отбрасывали на стены тени в форме драконов. Всю свою жизнь Чунджон преклонялся перед крылатым змеем и даже свою будущую усыпальницу приказал строить в форме лежащего дракона. В голове чудовища должна была стоять гробница, залы, отданные под тело и лапы – будут расписаны зарисовками из жизни вана. Там же планировалось сложить самые красивые драгоценности, оружие, доспехи. Также с королем заживо улягутся в могилу 48 его наложниц – как в загробном мире и без верных подруг? Для слуг и охраны были предусмотрены помещения хвоста.

– А теперь ты, раздевайся – Чунджон перевернулся на спину и потянул за широкую красную ленту, которой была подвязана под грудь длинная зеленая юбка Чан Гым. Наложница покраснела и притворно закрыла лицо широким рукавом магоджа. Ван распутал завязку верхней юбки, после чего отбросил ленту и схватил женщину за черную косу. Намотав ее на кулак, ван наклонил голову Чан Гым к своему ложу и впился поцелуем в ее губы. Его вторая рука тем временем залезла в вырез магоджи[2] и начала ласкать груди женщины.

– Господин, что вы делаете! – задыхающимся голосом произнесла Чан Гым, отстранившись от Чунджон – Это неприлично... Духи предков смотрят на нас.

– Варварские поцелуи так хороши, они бодрят мою кровь – усмехнулся ван – Давай, поторопись, мне еще давать аудиенцию этому хорьку Пак Суну.

– Сегодня не могу – на красиво лицо Чан Гым напозла тень – Нечистые дни. Хотите я позову вашу младшую жену Сунь Юнг, она сумеет вам угодить.

– Поздно! – ван откинулся на подушки и нахмурился – Пока служанки ее подготовят, да пока она снимет свои юбки... Лучше, если ты мне сыграешь на флейте, а Пак Суна я приму завтра.

– Никак нельзя, господин. Посол из Ямато привез тревожные вести. Проклятый Сатоми, пусть демоны сожрут его печень и сердце, требует в месячный срок прекратить нападения пиратов, иначе грозитя разрушить базы вако не только на Окинаве, но и на нашем южном берегу. У императора – хорошие шпионы. Он точно указал на карте, где в провинции Чолла, Тоннэ находятся стоянки вако. Кроме того, Ёшихиро уведомляет наш двор о том, что если мы продолжим принимать в порту Пусан испанских и португальских конкистадоров, то.

– Он начнет войну??

– Вполне вероятно.

– Совсем невероятно. Судов, чтобы перевезти армию через цусимский пролив у него нет. Союзников в войне против Чосона у него также нет – Поднебесная, южные варвары, королевство Сиам – все на нашей стороне.

– Меня беспокоят варвары. После смерти Педро – голос Чан Гым дрогнул – Вице-король португальской Индии Гарсия ди Норонья стал совсем неуправляем. Его люди бесчинствуют в Пусане, творят беззаконье, грабежи и насилие. Хватают людей на улице и за отказ креститься, бросают в костер. Население стонет. Я очень прошу ваше величество принять после Пак Суна главу Палаты Наказаний Ли Иля.

– Это лишнее. Осложнения с португальцами – временное. Скоро конкистадоры отправятся на острова и мы забудем о них. Меня больше беспокоит позиция Запретного города. Главный евнух Лю Цзинь обещал нам войска. 50 тысяч солдат и пять тысяч лян серебра в слитках. Два месяца прошло, а ничего нет!

– Надо самим купить наемников. Торговля опиумом дает хорошие доходы, мы можем позволить себе тысяч 20 «белых лотосов» из Поднебесной.

– Они же бунтовщики! – Чунджон натянул на себя шелковое покрывало – Сын Неба не простит нам сношения с повстанцами.

– Пусть португальцы их наймут – Чан Гым успокаивающе погладила вана по плечу – Они хорошо вооружены, обучены. Придадим им десять полков янбанов из северных крепостей.

- И Ёшихиро раскатает их в рисовый блин.
- Для захвата Кюсю войск хватит, а для того, чтобы отбить остров обратно - Сатоми будут нужны корабли.
- Они у него будут. Он же демон!
- Тогда придет время нашего секретного оружия.

Глава 5

И там, где они проходили, Поля превращались в пустыню. И там, где они воевали, Стонала земля от невзгод.

Цай Янь

Укус не хотел заживать долго и упорно. Болел, гноился - Акитори-сан был вынужден каждый день менять повязку, пробовать разные мази и притирки. Врач деликатно не спрашивал, откуда такая странная рана на руке, но по его взглядам, я понимал, что он умирает от любопытства. А я умирал от разрывавшей меня ненависти. Станным образом, это чувство, с которым я просыпался и засыпал каждый день, одаривало меня прорвой энергии. В жизни появился смысл и я его тщательно берег, лелеял, даже пестовал. Все придворные, особенно куноити, отметили мою приветливость, нежность. На аристократию обрушился вал подарков. Я основательно залез в сокровищницу Го-Нара и раздаривал презенты направо и налево. Дамам позолоченные отрезки тканей, инкрустированные сапфирами кулоны и серьги, куноити получили китайскую фарфоровую посуду эпохи Сунь и Юань (впрочем, я запретил выносить ее из Госе). Мужчины также получили свое. Военачальникам лично, перед строем гвардейцев, вручил награды в виде пятиконечных звезд из золота и серебра, которые они, лопааясь от гордости, тут же нацепили на свои кимоно. Патриарх синто Наба Санэнаги на торжественной церемонии в храме «Тайсэкидзи» был удостоен «бриллиантовых тории» - полутораметровых ворот без створок, из двух столбов, соединённых поверху двумя перекладинами из камфорного дерева, украшенных драгоценными камнями. В ходе ритуала у

главы гильдии ювелиров тихо поинтересовался, что стоит за этим символом Востока.

Оказалось, что однажды богиня-солнце Аматэрасу поссорилась со своим братом, богом грома Сусаноо. Вспыльчивый Сусаноо разорил рисовые поля Аматэрасу, а та, испугавшись, спряталась в пещере и закрыла вход в неё огромным валуном. Нет богини солнца – очевидно, нет света. Весь мир оказался во тьме. Обреченные на гибель люди, бросились к за помощью к мудрецу по имени Фусими. Тот посоветовал возвести огромный птичий насест и посадить на него всех своих петухов. Люди так и сделали. Когда петухи начали кукарекать, поднялся сильный шум. Богиня выглянула из за камня и увидела свое отражение в зеркале, которое стояло между столбов тории. Мир снова озарился светом и был спасен. И с тех пор врата-насесты стали обязательным элементом каждого святилища. А вот вопрос, куда делось из них зеркало – остался открытым. Видимо, дороговатое удовольствие, особенно для сельских храмов.

В последнюю неделю июня я нарушил свой целибат и целенаправленно переспал с Саюки. А потом еще с несколькими фрейлинами. Внучка патриарха синоби в постели оказалась пресноватой. Я чувствовал фальшь и наигрыш в ее стогах, движениях. Плоскенькая, угловатая – как же женщины меняются, лишившись одежды! Некоторые в лучшую сторону, ну а большинство – в худшую. Потеряв возможность дорисовывать невидимое, мозг быстро испытывает разочарование. Слишком мускулистые ноги, сжимали мой торс, спину гладили ладони в мозолях – а ведь месяц назад я бы даже ничего этого не заметил. Плавал бы по волнам эндорфинов, пользуясь каждой возможностью задрать подол конуоти.

Саюки же была удивлена старательностью и пылом, которую я проявлял в постели. Еще больше ее обрадовала моя болтливость. Каждый раз после секса, пристроив убийцу жены у себя на груди, я трепался обо всем подряд. Как придумал, для Хонды Хосимы, министра сельского хозяйства и рыболовства, новый способ искусственного выращивания жемчуга. Всего то надо было взять у устрицы-донора маленький кусочек мантии и завернуть в него ядро будущей драгоценности. После чего эта конструкция внедряется уже в другую устрицу-реципиента, в которой жемчужина прекрасно растет. Кусочек мантии чужой устрицы делает вокруг ядра «мешочек», который не позволяет будущей жемчужине прирасти к раковине. Выход ювелирки сразу увеличился в разы и помимо Хосимы в плюсах оказался Сабуро Хейко с бюджетом Японии. Уверен, что куноити тщательно записала рецепт и передала наверх. А я продолжал

вываливать на нее информацию. Способ создания бездымного пороха, нержавеющей железо, селекция и консервирование – после каждого приступа откровенности, я, отговорившись туалетом, бежал в тайный ход и смотрел, как Саюки зашифровывает мои идеи в послания. А я же фиксировал кому она передает письма и уже через несколько дней вся ее конспиративная сеть была у меня как на ладони.

План военной кампании против мятежников я также на раз, два слил синоби. Все равно гатлинга наверняка уже не было в святилище, так что не было смысла скрывать сроки и силы, которыми мы собирались штурмовать Симогамо. Самое сладкое я приберег напоследок. После бурной ночи, как бы невзначай, я сообщил Саюки, что в первый день августа в столицу, в сопровождении кандидаток в невесты, прибудет мой сын. Вместе со свадьбой, он будет коронован в принцы и официально станет наследником императора Японии. Вместе с коронацией, я планирую назначить опекунский совет во главе с Симадзумо Хиро на случай моей смерти, а также принять закон о престолонаследовании.

Это была бомба. Все планы синоби влезть во власть – летели к чертям. Даже если одна или несколько из кунюити забеременеет и родятся дети мужского пола – никаких прав на хризантемовый трон ни они, ни их родственники иметь не будут. Понятно, что у Саюки тут же загорелся огонь в одном месте. А я, зевнув, спросил не хочет ли девушка завтра прогуляться по лавкам? Благодарный любовник, готов выделить своей даме на шопинг энную сумму денег. Кунюити, конечно, ухватилась обеими руками за этот повод слинять из дворца и лично доложить ситуацию клановым лидерам. Увы, девушка не догадывалась, что перед тем, как заняться любовью, якобы в целях дезинфекции, я обмакнул правую ладонь в уксус. После чего в ходе ласк несколько раз провел «пахучей» ладонью по ее ногам и ступням.

С момента создания Палаты тайных дел, мацукэ начали натаскивать розыскных собак. И вот через полгода тренировок первый столичный песик уверенно брал след и шел по нему. Как только утром следующего дня Саюки начала собираться по лавкам, я тут же заперся у себя в кабинете и приказал никому меня не тревожить. После чего через тайную дверь выбрался в подземный ход, где переоделся в обычную крестьянскую одежду – накидку из соломы под названием мино и конусообразную шляпу, скрывающую лицо.

Время уходило и к зданию Палаты тайных дел, я уже направился бегом. Дом службы безопасности, был одним из немногих, сложенных из камня. А точнее из черного гранита. И представлял собой круглую башню с широким основанием и узким верхом. Узкие бойницы начинались только на уровне третьего этажа и большей частью были забраны решетками. Принцип пирамиды, используемый при строительстве, позволял надеется, что здание не развалится при первом же землетрясении. А гранит и крыша из медных пластин в свою очередь делали сооружение защищенным от поджога и внезапного штурма.

Площадь перед Палатой была расчищена от народа и пуста. Когда я подошел ко входу, навстречу мне вышли два самурая в полных доспехах с опущенными личинами и мушкетами в руках. Я не стал нервировать охрану и из под полы показал значок Тайной службы. Это было отчеканенное изображение императорской хризантемы, в центре которого стоял порядковый номер. В моем значке фигурировала цифра 1. Мы постепенно переходили на арабскую нумерацию, хотя, как компромисс, с другой стороны удостоверения стояла единица иероглифами.

Самураи моментально сориентировались и встали на колени. Пока поднимали медную решетку, загораживающую вход, пока я считал размер диаметра башни (55 шагов), да проверял открывается ли ящик для доносов – образовался комитет по встрече.

– Солнцелиций! – Гэмбан попытался пасть ниц, но был подхвачен мной под руки – Зачем вы так рисковали собой?!

Заместители главы Палаты все же повалились на колени, а вслед за ними и рядовые сотрудники.

– Срочное дело – увлек я Гэмбана в здание – Давай переговорим внутри.

Расположившись в кабинете министра, я коротко пересказал ему историю с куноити во дворце. Гэмбан был потрясен, Гэмбан был шокирован. Только что его ткнули в такой провал, хуже которого – утопление императора Японии в собственном сортире ниндзей-карликом. Я увидел, как взгляд Цугара-сана метнулся к кинжалу на поясе и покачал пальцем перед его лицом. Надо сказать, что министр быстро собрался и взял себя в руки.

Как понять, что человек на своем месте? Посмотреть, как и кому он отдает приказания. И тут стало ясно, что Палата тайных дел была создана мной не зря. Целый год я тратил деньги на строительства башен, найм и обучение самураев, большая часть из которых был ронинами, на экипировку и, наконец, я мог увидеть все в живую. Десятки сотрудников начали готовиться к слежке за Саюки – внезапно здание заполнили монахи, бродячие торговцы, нищие... Особенно меня порадовали рикши. Всего ничего прошло с того момента, как власти столицы разрешили в Киото колесный транспорт, а у Гэмбана уже были коляски, да еще снабженные специальными разноцветными фонарями для подачи сигналов в темноте. Дальше больше. В Палате тайных дел оказалось аж три кинолога с готовыми собаками неясной мелкой породы. Одна дворняжка по моей давней просьбе носила говорящее имя Тоби и была тут же обрадована небольшим рисовым коlobком, что я взял из вазы в кабинете Цугары.

Всего вести Саюки собралось 32 человека.

– Выделяю людей с запасом – пояснил Гэмбан – Возле каждого подозрительного места будет выставлен замаскированный пост, задача которого выявить все контакты синоби.

Еще десятерых сотрудников отрядили в Госё для слежки за куноити и завербованными самураями. Увы, к моему позору, несколько людей из клана Сатоми не выдержали испытанием «медовой ловушки»[3] и предали меня.

Меня успокаивало только то, что среди них не было ни одного человека из высокопоставленных придворных или генералитета. Ненависть так била из меня фонтаном, что я лично рвался участвовать в операции по раскрытию тайной сети синоби, был готов пытаться убийц, но Гэмбан поступил мудро. Сначала он отвлек меня на экскурсию по башне. Как оказалось, в подвалах были оборудованы камеры для преступников, пыточная с новомодной дыбой, а также склады с припасами. На первом этаже располагался арсенал и допросные. Там же была приемная, отгороженная еще одной решеткой. Даже если противник пробьется через вход, то дальше помещения для посетителей – ему не пройти. В этом меня убедил второй и третий этажи, где стояли заряженные картечью пушки. Каждый день, солдаты меняли отсыревший за ночь порох и заново выдвигали орудия в бойницы. Только поднеси фитиль к затравочному отверстию и площадь перед башней будет завалена трупами. Четвертый этаж был отведен под архив и кабинеты сотрудников. И здесь же сидел сам Гэмбан. Над ним, в чердаке, была построена голубятня. Как только министр закончил экскурсию по своим

владениям – тут же, без паузы, перешел к планированию операции с Сатоми Киётомо. Я опасался упреков или хотя бы укоризненных взглядов за то, что подвергаю «сына» подобной опасности, а скорее всего и обрекаю на смерть в случае неудачи. Ничего подобного! Цугара был деловит, позитивен и даже похвалил меня за отличную наживку для синоби.

Жестокая эпоха – жестокие люди. Выжить и преуспеть можно только в клане, а значит «все для фронта, все для победы». И дети тут не исключение. В Средневековье к ним вообще отношение проще, прагматичнее. Половина не доживает до совершеннолетия – и это еще хороший результат. С другой стороны детей много и про чайлдфри тут слухом не слыхивали. Бесплодие – большая беда и такая же большая редкость. А значит принцип «еще нарожаем» – вполне работает и более того, морально оправдан. Пока Гэмбан доставал карты и намечал маршрут движения кортежа с моим сыном, мне почему-то вспомнилась лекция по эволюционные биологи, что я слышал в МГУ. Сельдь каждый год выбрасывает в море сотни тысяч мелких икринок и никак о них не заботится. Кто-нибудь, да выживет. Это в науке о репродукции называется, К-стратегия. Другая рыба, трехиглая колюшка откладывает несколько крупных икринок. Самец этого вида также участвует в заботе о потомстве – охраняет участок с оплодотворёнными икринками, строит для них гнездо, даже аэрирует его. После появления мальков – отгоняет хищных рыб. У колюшки выживает значительно больше мальков, чем у сельди и это называется R-стратегия. Один и тот же вид может за свою историю мигрировать от К-стратегии к R и обратно. Ухудшились условия существования, выросла детская смертность – компенсируем все плодовитостью. Ну, и меньшим вкладом в потомков. Пошли дела в гору? Еды завались, болезни побеждены? Начинаем снижать рождаемость, вкладываемся по самое немогу в каждого отпрыска – зубные брекеты, большой теннис, розовые курточки, французский язык. И вот тут то и появляется культ ребенка. Общество запрещает детский труд, появляется ювенальная юстиция и пошло поехало. Скажи сейчас какому крестьянину допетровской еще Руси, что дети должны только учиться и отдыхать, он умрет от удивления. А пахать кто будет? Ну, ладно, пахать не подъемно по силам, а хворост собирать, скотину пасти, кур кормить?? Скажете нужда заставляла бедных вскармливать ребенка в порядке живой очереди, без сантиментов, и посылать в поле? А что же тогда аристократы, бояре наши отдавали детишек нянькам и забывали про них до подросткового периода? Кому посвящал свои стихи Пушкин? Матери? Увы, нет. Няне. Ребенок в условиях средневековой К-стратегии – вовсе не индивид и не личность. Это заготовка. В ряду многих других. А у родителей есть полное право и даже обязанность использовать эту заготовку на пользу вида и семье. Что я и собирался сделать.

- ... из шести провинций.

- Что, прости? - не расслышал я начало фразы Гэмбана.

- Говорю, вызову мацукэ их шести провинций сразу и обложу кортеж тройным кольцом. Вряд ли после нападения, невест и наследника будут держать в одном месте, а значит, ниточки потянутся ко многим людям. Месяц слезки и все северные и центральный базы синоби будут у нас под колпаком. Накроем их одним ударом.

- Иттэцу «Единая Сталь» нужно подстегнуть - я решил ускорить ход событий, - Подбери человека, который от имени Токугава, сделает старейшине заказ на похищение невест. Заплати хорошо, не торгуясь. Я отдам приказ Сабуро Хейко выдать тебе сто тысяч коку в золотых монетах и слитках.

Гэмбан охнул. Это были огромные деньги. На один коку риса семья из трех человек могла жить год.

- Разумеется, за перемещением такой суммы нужно будет также проследить. Это будет не трудно - слитки займут целую повозку, а то и две. И постарайся сделать так, чтобы другие кланы узнали о заказе. После чего уже от лица китайского посла закажи им самого Иттэцу и весь клан Ономати. Тех, что не достанем мы, добьют мелкие кланы за золото. Двойной контроль.

- В голову - подумал я про себя.

Раздался стук в дверь. С низким поклоном вошел молодой парень и передал Цугаре небольшой кусочек бумаги.

- Ага, прилетел первый голубь - близоруко прищурился министр - Так... Лавка Фу-си, рынок у Южных Ворот, лавка Ёсицунэ, опять рынок у Южных Ворот... Она кружит, сбивает слезку. Ждем.

Мы продолжили планировать операцию по обнаружению баз синоби, явок, где собираются старейшины. Выпили чаю. Прилетел еще один голубь и нам принесли новый отчет.

– Что ей нужно в чайном домике? – развернув донесение воскликнул Гэмбан.

– Если это китайский бордель дамы по имени Го Цань, то там у них явка.

Наконец, третье письмо.

– Саюки пропала! – ударил кулаком по татами Цугара и выбежал из кабинета.

Глава 6

За ночь вьюнок обвился

Вокруг бадьи моего колодца...

У соседа воды возьму!

Тиё

Есть ли у императора личные вещи? Конечно, есть.

Во-первых, оружие. Последний месяц я перестал таскать свой меч Мурасамэ – «Проливной дождь». Сакральная фигура императора не предполагала ношение собственного клинка (разве что Кусанаги – мифический японский меч, полученный Дзимму от богини Аматаэрасу, а точнее его копия). Но брать Кусанаги было можно только, увы, во время праздничных церемоний. Потом работа в основном сидячая (что не располагает к булату за поясом), вокруг много охраны... Проблему разрешил наш главный оружейник Амакуни. В свой последний визит в Киото он презентовал мне первый залповый пистолет Утенок. Такое невинное название пистолет получил благодаря веерному расположению 4-х стволов, которые напоминали перепончатую лапку утки.

Владелец оружия мог с одного выстрела уложить сразу несколько противников, что кузнец и продемонстрировал на соломенных чучелах. Казенная часть была спроектирована общая для всех стволов. Вверху казенной части имелась пороховая полка с тремя затравочными отверстиями, чтобы обеспечить равномерное и надежное воспламенение порохового заряда и придать

одинаковую скорость пулям во всех стволах. Рукоять пистолета была инкрустирована золотом и серебром. В верхней части пистолета имелся даже предохранитель, фиксирующий курок на предохранительном взводе. Вся присутствовавшая при испытаниях аристократия, тут же захотела Утенка. Но я дал команду для начала вооружать пистолетами мацукэ Гэмбана и лишь потом армию.

Во-вторых, малая императорская печать. Ею, в отличие от пистолета, я пользовался регулярно, прикладывая к различным документам и указам. Также часто как печать, приходилось пускать в дело переносную чернильницу и кисточку.

В третьих, ключи. Я попросил Амакуни тайно поменять замки на секретных дверях Госё – в результате моя паранойя несколько ослабла, хотя и не исчезла окончательно. Тот же Хандзо уже разочек наведывался по подземному ходу во дворец и я думаю, что ему не составит труда вскрыть любой замок. Для любителей прокрасться в Госё через «черный ход» Амакуни предложил насторожить пару капканов на медведей. Операция против синоби входила в завершающую фазу, поэтому пришлось согласиться. Отныне я не рисковал отпирать двери в тайные ходы – а ну как сам случайно угодишь в капкан?

Наконец, гребень, платок и веер. На последнем следует остановиться подробнее. В Японии существует два основных вида вееров – утива и сэнсу. Утива монолитен и напоминает лепесток на палочке. Каркас такого веера традиционно делается из тонких прутьев бамбука, а сверху покрывается специальной бумагой «васи», на которую наносят красивый рисунок или стихи. Сэнсу попал на острова из Китая и часто использовался японцами в боевых искусствах. Такой веер состоит из подвижных пластин, которые могут складываться и в умелых руках самурая он превращается в настоящее оружие. Края сэнсу затачивали и мастера тэссэн-дзюцу[4] могли вполне противостоять в схватке против соперника, вооруженного мечом.

В тот момент, когда я начал обмахиваться веером, дверь кабинета распахнулась и внутрь, вытирая пот с лица, зашел Гэмбан. Я начал рассовывать мелкие вещи по карманам кимоно, а пистолет и утива отправились за пояс.

– Есть новости? – время подходило к обеду и пора было отправляться обратно во дворец.

– Есть, солнцеликий – министр упал на стул – В одной из лавок ваша наложница поменялась с двойником. Мацукэ не сразу заметили подмену и лишь благодаря розыскной собаке шпионы взяли след. Он привел нас в игорный дом на старой барже.

Гэмбан выдержал эффектную паузу. Я тоже не торопил министра.

– Там Саюки встречалась с Иттэцу «Единая сталь». Помните, вы рассказывали мне об огромных раковинах с раструбами в доме Хандзо, с помощью которых ниндзя могли подслушивать разговоры на больших расстояниях?

– Неужели ты...?!

– Да! На прошлой неделе киотские мастера по дереву смогли повторить придумку синоби. Слышно не очень хорошо, особенно если рядом посторонние шумы, но квартал, где стоит баржа – тихий. Только кваканье лягушек в речном канале мешает.

– Да, не тяни ты! О чем они говорили??

– Через двадцать дней будет встреча патриархов кланов синоби. В пещере Красного Дракона. Это недалеко от Киото, в горах. Иттэцу склоняется к тому, чтобы убить вас и вашего сына, а на трон посадить своего будущего правнука.

– Какого еще правнука? – ступил я.

– Саюки беременна.

Вот это удар! Кто там пел, что разбитые мечты обретают силу высоты? Пугачева? Тоже можно сказать и о страхах. Я боялся, что кунюити забеременеет и это случилось!

– Отменяем все? – глядя на меня, Гэмбан начал катать по столу лаковые палочки для еды – В конце концов и с синоби можно договориться. Дать им посты в правительстве, еще больше власти...

– Я уже пытался оттянуть неизбежное – в голове царил хаос, но я прибег к испытанному упражнению. Пара глубоких вдохов, выдохов и вот я уже снова в форме – Предложил Иттэцу полное узаконивание кланов синоби. Подписал указ о создании палаты внешней разведки. Сделал Иттэцу ее главой. Наконец, выделил финансирование. Все расходы Палаты покрываются бакуфу. Однако синоби не перестали принимать заказы внутри страны, тайные лагеря так и не закрыты, а куноити вербуют во дворце моих охранников. Я уже даже молчу о смерти Тотоми. Подобное нельзя прощать!

– Саюки покончит с собой, если мы победим и вы лишитесь ребенка – Гэмбан был спокоен и задумчив – Впрочем, у вас есть сын Киётото-тян... Будут и новые дети. Стоит ли так переживать о не родившемся ребенке Саюки? Она то не колебалась, когда давал яд Тотоми!

– Какой мерой мерите такой и вам отмерено будет.

– Что это?

– Цитата из священной книги гайдзинов – Библии. Новый Завет.

– Каждый раз поражаюсь вашим знаниям. Итак, что мне делать с заговором?

Гэмбан явно подталкивал меня к радикальному решению вопроса.

– Ваши предложения? – я попытался оттянуть свой вердикт.

– Упускать главарей нельзя. Но и взять их всех сразу не получится, хотя конечно, руки чешутся. Но я трезво оцениваю способности моих мацукэ. Предлагаю воспользоваться вашим способом, которым вы справились с окинвскими пиратами.

– Заминировать и взорвать пещеру Красного Дракона?

– Да. И тут же, пока кланы обезглавлены – начать зачистку их баз по всей стране. Кое-кто вроде династия Гекку тут же переметнется на нашу сторону и поможет в поиске тренировочных лагерей Ономати и других семей.

– А что с Саюки?

– Вам решать – дипломатично ответил Гэмбан.

– Хорошо. Я утверждаю твой план. Пусть сегодня же Хандзо отправляется в Китай. Заплати ему за какое-нибудь покушение, которое оттянет вступление в войну Поднебесной. Заодно уберем его с островов. А с Саюки... с ней я решу позже.

Нельзя показывать свою слабость – резко встал и безо всякого сопровождения вышел из Палаты Тайных дел на улицу. Конечно, Гэмбан пошлет кого-то меня сопровождать, но шум поднимать не станет. Думает, что я во дворец пойду. Так и есть, но сначала надо зайти в храм Тайсэкидзи и поговорить с Набой Санэнаги. Если не глава синто, то кто еще мне может дать совет в этой безвыходной ситуации??

Увы, Наба-сан был сильно занят. Он демонстрировал пастве работу электрофорной машины. Да, да, ту самую, которую в 20-м веке можно было увидеть в любом школьном кабинете физики. Полгода назад, когда мы обсуждали с Санэнаги перспективы синто, я понимал, что нужно дать священникам какую-то фору перед буддистами и христианами. Как сделать так, чтобы народ сплотился вокруг традиционной религии? В ход пошло несколько заготовок. Сначала на основе сборника «Энгисики» утвердили официальный перечень ритуалов и церемоний для храмов всех уровней. Потом открыли семинарии, ликвидировали наследственный междусобойчик. Теперь священники и жречество – это проводник воли императора, государственные служащие. Провели аудит храмов и монастырей, выстроили вертикаль власти, наладили финансовые потоки снизу вверх и обратно. Наконец, обложили конкурентов повышенными налогами, кое-где отжали брошенную собственность (особенно жестко обошлись с сектами Икки-Ики и Белый Лотос). Но этого было мало. И я решил сделать ставку на «чудеса». Астрономические наблюдения должны были помочь предсказывать различные лунные и солнечные затмения. Что всегда и во все времена производило неизгладимое впечатление на паству. Кроме того, скрепя сердцем, я подарил Набе-сану идею электрофорной машины.

Принцип действия был прост и я его хорошо помнил. Два диска с нанесенными на их поверхность металлическими полосками вращаются в противоположных направлениях. Если кусочки металла, пролетающие друг относительно друга, имеют хоть какую-то разницу потенциалов, то эта разница усиливается, нужно

ее только снять. Для этого существуют по две щетки для каждого диска, заряд накапливается в лейденских банках по бокам. Устройство банок также было весьма несложным – цилиндр, оклееный внутри и снаружи листовым оловом. Банка прикрыта деревянной крышкой, в которую воткнут металлический стержень.

На выходе – десяти-сантиметровая искра в полутемном храме и неподдельный экстаз публики. Коей экстаз я мог наблюдать лично, стоя позади толпы. Наба-сан пошел даже дальше, чем я предполагал. Он демонстрировал прихожанам силу духов синто не только визуально, но и так сказать тактильно. Для чего выстраивал десяток горожан, держащихся за руки, и через эту цепь пропускался заряд электричества. Полный аншлаг, громкие крики. Глядя на все это я понял, что будущее японской религии – в надежных руках! Но что же делать мне?

Глава 7

О достоинствах людей прошлого можно судить по тому, как поступают их потомки.

Набэсима Наосигэ

Наступило 7-е июля. В России в этот день отмечают праздник Ивана Купала. Жгут костры, прыгают через них, ищут цветок папоротника и купаются голыми в реках. В Японии тоже есть свой Иван Купала – Танабата или «звездный фестиваль». Подготовка к нему началась еще месяц назад. Императорская казна оплатила фейерверки, праздничное оформление улиц, бесплатное сакэ и представления уличных музыкантов. В общем, хлеба и зрелище. Чтобы отвлечься от переполнявшего меня напряжения почитал от корки до корки легенду об Орихимэ и Хикобоси – так сказать основоположников Танабаты. Оказалось, что они прямо советские «свинарка и пастух». Ткачиха по имени Орихимэ и волопас Хикобоси встретились и полюбили друг друга. Проблемка однако была в том, что ткачиха и волопас были звездами. Вега в созвездии Лиры и Альтаир в созвездии Орла соответственно. Дальше по сюжету появляется отец Орихимэ, для которого девушка-звезда ткала одежду. Влюбленная Вега больше не могла прясть одежду для отца, а коровы, которых раньше так усердно пас Альтаир, разбрелись по всему небесному полю. Разгневанный этим небесный

царь разлучил влюбленных, оставив их по разные стороны Небесной реки – Млечного пути, и запретил им встречаться. Потеряв своего возлюбленного, Орихиме стала грустна и уныла. Растроганный слезами дочери, небесный царь сдал назад и разрешил молодым раз в году встречаться в седьмой день седьмого месяца. Разумеется, если Орихиме будет старательно работать и закончит прядение. Вот такой День Святого Валентина по-японски.

В праздник Танабата на меня обрушился вал подарков от подданных. Первыми отличились военные. В рекордные сроки подавили восстание в провинции Кавати, разрушив до основания бывшее буддистское святилище Симогамо. Самозванец-«император» Докэн был в железной клетке доставлен в Киото. Пришлось для Симадзумо Хиро, Хоттэ Абэ и других генералов устраивать парад по центральным улицам. Заодно, провезли отбитые у восставших Вулканы, новейшие гаубицы – да устрашится враг!

Следом за армейскими, с презентом пришел Гэмбан. Провокация с кортежем сына удалась. Киётомо Сатоми был похищен синоби Иттэцу и мацукэ Тайной палаты выследили центральную базу людей в черном. Ту саму, на которой меня держали после похищения по заказу Дракона Идзу. Кроме того, подоспели новые отчеты безопасников по всей стране. Частота бунтов резко пошла на убыль. Такое ощущение, что кто-то повернул рубильник – число недовольных самураев значительно сократилось. Островная аристократия тяжело вздохнула, но, похоже, смирилась с ликвидацией клановой системы. Ронины частью перешли в армию, частью погибли. Осталось решить проблему людей в черном и моей власти уже ничего не угрожает. Цена вопроса – ерундовая. Всего-то две жизни. Похищенного сына и не рождённого ребенка.

От этих тяжелых мыслей помог отвлечься третий подарок. Иэясу Токугава, выслуживаясь, устроил конкурс красоты. Так сказать, творчески переработал мою случайно оброненную мысль и вот уже в Госё стоит натуральный подиум, по которому, вихляя попами, ходят разряженные дамы. Точнее три дамы – больше набрать для подобного шоу аристократок не получилось. Но даже и эти конкурсантки устроили фурор. Стандартно весь праздник вертится вокруг листочков бумаги с пожеланиями «танзаку», которые вешаются на ветвях бамбука. Но в этот раз в центре внимания шокированной публики оказался конкурс красоты. Ошарашенные придворные начали закладывать за воротник, громко выражая свои предпочтения. Я благоразумно уклонился от участия в жюри, поэтому мог со стороны наблюдать за баталиями вокруг «королевы» праздника. Но как только на подиум вылезли разгоряченные кунюити, мне стало

совсем противно. Махну рукой свите, чтобы продолжали веселиться без меня, я заперся в кабинете. После чего быстро переоделся в крестьянскую одежду и тайным ходом выбрался за пределы дворца.

Мне захотелось чего-то настоящего, душевного. И я направил свои стопы к старому другу – водопроводчику Микуни-сану. Нет, сантехником он стал совсем недавно, когда освоил благодаря моим советам установку деревянных унитазов и бамбуковых труб. А до этого Микуни был простым ассенизатором – обслуживал с сыновьями выгребные ямы целого квартала Киото. Примерно год назад я решил поиграть в Гаруна-аль-Рашида японского разлива и выбрался инкогнито в город. Где тут же загредел на общественные работы в результате ссоры с аптекарем, который (вполне легально!) продавал человеческие органы в качестве лекарств. Конечно, я эту практику моментально прикрыл. Как только сбежал от Микуни, который, кстати, обращался со мной вполне прилично и даже обучал азам профессии. Старика я не забыл и даже отблагодарил аудиенцией во дворце. Конечно, Микуни хранил наше знакомство в секрете – ну, кто поверит золотарю, скажи, что он вычерпывал дерьмо в компании микадо? Да, за такое святотатство кожу живьем сдерут. Вот и закатывал предынфарктно глаза Микуни, каждый раз, когда меня видел. С одной стороны надо падать ниц. С другой – с чего бы это Главный сантехник двора его Императорского величества должен валиться на колени перед каким-то бродягой?

– Э-э, Мумэ-сан[5]! – обрадовался мне Микуни – Заходи, гостем будешь!

Попал я с корабля на бал. А точнее с бала на бал. Микуни праздновал свадьбу своего младшего сына. Куча родственников и соседей пировали, сидя на земле, прямо во дворе дома золотаря. Судя по тому, что невеста уже переоделась в цветное кимоно и сняла накидку, которая должна закрывала «рожки ревности» (японцы считали, что они есть у всех женщин) – свадьба находилась в самом разгаре. Значит, священник каннуси и его спутница мико уже прочитали очистительный ритуал охарай, сопровождая его чтением молитв, а молодые трижды отпили из одной чашки. Глядя на толстого попика, который наливался сакэ, я решил последовать его примеру.

Сел по-турецки на землю и взял со стола, роль которого выполняли белые полотнища, пиалу с алкоголем. Достал из-за пазухи палочки для еды. Съел фиолетовый кружок маринованной редьки, поклевал грибочков, заполировал все бутылочкой сакэ. После снял крышку с черной лакированной миски, поднес ее к ноздрям и вдохнул пар, поднимающийся от супа мисо. Почувствовал дразнящий

аромат перебродившей сои, запах растертой рисовой пасты, мелко нашинкованного лука и морских водорослей.

Пока я гурманствовал, свадьба катилась своим чередом. Жених начал катать тещу на закорках. Народ потешался, но не мешал священному обычаю. Как иначе жить с новыми родственниками, если сразу не установить правильные взаимоотношения? Откажись жених от покатушек – все сразу скажут: «Плохая примета!». Я задумался о роли примет в жизни людей. Лет через сорок Иван Грозный начнет зажигать с опричниками. Глумление над русскими боярами заключалось в том, что на них надевали шубы да кафтаны наизнанку, сажали на лошадь задом наперед и гоняли в таком виде по городу на позор. Четыреста с лишним лет еще пройдет, а примета с одеждой шиворот наыворот – будет жить и здравствовать. Вот она сила ритуализации! В ходе эволюции иногда утилитарная функция поведения меняется на информативно-коммуникационную. Ну, например, чистил гусь перышки, а потом раз, и стал демонстрировать чистку перьев в ходе ухаживания за гусыней. Так же и с людьми. Утилитарная функция может и давно исчезнуть, но примета, обычай будут жить и здравствовать. Кто уже помнит, почему нельзя третьим прикуривать? Данный запрет укоренился в народном сознании в ходе Англо-бурской войны. Первого прикурившего ночью засекал снайпер, на втором – снайпер прицеливался, третьего убивал. Сколько лет прошло, снайперы стали пользоваться приборами ночного видения, ан нет, третьим все-равно не прикуривай! И сколько таких idiotских мемов[б] бродит в общественном сознании? Рассыпать соль к ссоре (оно и ясно – соль в средние века больно дорогая). Выпиваешь с незнакомыми? Тостуй и чокайся. Только так, чтобы капли выпивки переливались из бокала в бокал – а то вдруг тебе яд сыпанули?

– Э-э, Мумэ-сан! – рядом подсел пьяненький Микуни – Что такой грустный, почему не радуешься?

– Как тебе сказать, Микуни-сан. О народе думаю – я решил пошутить и перевел на японский знаменитое четверостишье Филатова –

«Ночью встану у окна

И стою всю ночь без сна –

Все волнуюсь об Ниппоне

Как там, бедная, она?»

– А что о нас волноваться? – тут же отреагировал золотарь – Хорошо живем. Черная болезнь ушла, еды вдоволь, почитай каждый день в квартале свадьбы играют. Порядку больше стало. Раньше идешь с бочкой к яме и трясешься – любой встречный на улице самурай может зарубить тебя. Просто для того, чтобы опробовать свой новый меч. А теперь солдаты по гарнизонам сидят, в веселый квартал строем ходят, да и еще и песни поют!

– Нет, жить стало лучше – по-сталински закончил Микуни – Жить стало веселее!

Глава 8

Откуда вдруг такая лень?

Едва меня сегодня добудились...

Шумит весенний дождь.

Мацуо Басе

Быть японцем – значит дружить со смертью. Быть японцем – значит, принимать смерть. Как сказано в главной книге самураев, Хагакурэ: «Я постиг, что Путь Самурая – это смерть. В ситуации «или-или» без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно. Исполнишь решимости и действуй. Только малодушные оправдывают себя рассуждениями о том, что умереть, не достигнув цели, означает умереть собачьей смертью. Сделать правильный выбор в ситуации «или-или» практически невозможно». Мой выбор был прост. Сегодня день Победы. С большой буквы. Пещера Красного дракона уничтожена. Вместе с лидерами кланов ниндзя. Полтонны пороха, прикопанные в самых глубоких недрах горы Отокояма, что рядом с Киото, подорвана с помощью стометрового запального шнура.

Операцию Гэбман провел на пять баллов. За неделю до сборища патриархов в пещере была заложена мина. Шнур с дублером тщательно спрятан в скалах, на которых сидели наблюдатели с подзорными трубами. Стоило синоби начать собираться, как Гэнбан засек полчаса и поджег фитиль. Громыкнуло так, что окрестные жители подумали – землетрясение.

И теперь я стою перед выбором. Пока люди Гэмбана разбирают завалы и ищут трупы, а по всей стране мацукэ с войсками штурмуют тайные базы людей в черном, я готовлюсь к смерти. У меня нет желания всю жизнь скрываться по подвалам с поющими полами, прятаться за спинами двойников. Множеству дайме все это не помогло и ниндзя смогли до них добраться, пусть даже через дырку сортира. Сегодня вечером власть кланов закончилась. Но уже ночью они еще могут нанести свой последний, ответный удар. И я стал к нему готовиться. По моему приказу дворцовый сад был украшен белыми татами. По стенам Госё слуги развесили большие полотнища с четырьмя иероглифами – «Добро пожаловать!». Они были освещены специальными факелами, которые меняли каждые полчаса. Но свет факелов не достигал центра сада. Просто потому, что сад был освещен тысячами светлячками. Фосфоресцирующие жуки были специально доставлены из провинций Манива и Окайма два дня назад. Разве плохо закончить свою жизнь в такой красоте? Стремительные огоньки мягкого зеленовато-жёлтого цвета делали темноту ночи по-настоящему волшебной. Уверен, что после моей смерти, в Японии войдет в моду Хотаругари – ритуал любования светлячками. Может быть даже его назовут моим именем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vyazovskiy_aleksey/imperator-iz-buduschego-epoha-zavoevaniy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)